Путь в будущее начинается с исправления имен: поиск оптимистической идеологии. Реабилитация дуализма

Волконский Виктор Александрович — главный научный сотрудник Института народно-хозяйственного прогнозирования РАН, кандидат физико-математических наук, доктор экономических наук, профессор.

Я уверен, что сейчас и с точки зрения познания, и с точки зрения социально-политического развития плодотворна реабилитация дуализма — представления о том, что человек обитает в двух мирах. Это не значит, что надо возвратиться к упрощенным религиозным представлениям о том, что в духовный мир человек может проникнуть только с помощью молитвы или магических практик, а не научных методов познания.

Я давно понял, что сейчас экономистам необходимо выйти за пределы экономической науки. Особенно это важно для незападных стран, к которым относится и Россия. Дело в том, что экономическая наука нашла ответы на вопрос: что делать для решения наиболее острых проблем? Эти ответы разные для стран Центра и стран Периферии. Однако ее рекомендации не используются на практике, особенно в России. Потому что главными факторами являются вовсе не экономические. Человек живет в двух сферах — в сфере материального, физического бытия и в сфере духовных реальностей. В обществе знания и информации трудно сомневаться, что развитие идей происходит в большой мере независимо от изменения материальных условий жизни, стереотипов экономического и политического поведения. В разные периоды истории человечества и у разных народов приоритетными или объективно первичными, определяющими исторические процессы оказывались сущности и явления то из одной, то из другой сферы.

Думаю, что главный признак, отличающий тот мир, мир иной от этого материального мира, — это существование системы законов (законов природы и общества), которые строго однозначно управляют явлениями материального мира. Человек никогда не признает, что все его стремления и решения полностью детерминируются некими непре-

ложными законами, которые он частично познал, а частично — пока еще нет. Это означало бы, что по мере развития психологии и науки о поведении желания и действия конкретного человека могут быть предсказаны со все большей точностью. Человек не откажется от убеждения, что он обладает свободой воли. Наверное, прав Достоевский. Его подпольный человек знает, как поступать рационально, разумно, в его же собственных интересах, но отказывается от этого, поскольку ему дороже его своеволие, его желание всем показать фигу.

Признание представителями научно-материалистического мировоззрения возможности существования иного мира (то есть мира, законы которого и воздействие на жизнь людей наука никогда не узнает) важно по двум причинам:

1) как подтверждение значимости и актуальности изучения интеллектуальным сообществом многочисленных фактов и явлений (в частности, зафиксированных эмпирической наукой), которые в течение тысячелетий признавались чудесами или суевериями;

2) как путь к устранению барьеров, неоправданно разделяющих огромные массы людей — верующих и атеистов и порождающих не только отчуждение между ними, но и серьезные конфликты. Этот раскол в человечестве, появившийся в период становления идеологии модерна, утратил актуальность.

Человека от животных отличает не только логическое мышление, но и потребность и способность верить в ценности более значимые, силы более могущественные и долговечные, чем личность единичного человека. Человеку необходимо идентифицировать, отождествлять себя с такими силами и ценностями, осознавать себя их частицей и ощущать подобное отождествление как смысл своего бытия. Человеку необходимы надличностные смыслы его существования.

В разных цивилизациях система нравственности и институт государства опираются на разные культурные и исторические традиции (видимо, играют роль и расовые различия, однако этот аспект нуждается в серьезных исследованиях). Общим можно считать духовно-идеологический фундамент, который опирается на важнейшую психологическую способность человека — способность к вере, к выделению сверхценных идей и символов, к разделению святости и цинизма, верха и низа. З. Фрейд называл эту психическую инстанцию Сверх-Я. Для многочисленной категории людей, если не для большинства, такая вера является условием нормального, здорового психического состояния. Люди, способные к вере и объединяющие их ценности, учения, символы, составляют каркас, обеспечивающий долгосрочное сохранение любого сообщества.

Человек не откажется от убеждения, что он обладает свободой воли. Ему необходимы надличностные смыслы его существования.

Новое время (XVIII–XX вв.) отмечено возникновением и великими успехами безрелигиозной (и антирелигиозной), чисто рационалистической идеологии: сменяющие друг друга и воюющие друг с другом Просвещение, либерализм, социализм, национализм. Казалось, что эпоха религий безвозвратно прошла, но имеется много признаков того, что богатства мировых религий, в частности их мистическая составляющая, оказываются все более востребованными, что в рамках чисто научной, рационалистической парадигмы зреет понимание ограниченности и ущербности ее исходных предпосылок.

По мере развития технологий, позволяющих удовлетворять первичные потребности человечества, духовно-идеологический фактор все больше становится определяющим в истории. (Люди очень разнообразны по своим психическим способностям и живут в достаточно разнородных условиях. Попытки объединить все человечество единой конфессией или идеологией никогда не удавались, будем надеяться, что плодотворное разнообразие сохранится и впредь.) Сейчас на первый план выходит поиск путей плодотворного, взаимообогащающего сосуществования и взаимодействия сообществ, представляющих разные конфессии, а также верующих и атеистов. Примером такого взаимодействия должны стать отношения науки и религии.

Сегодня есть все условия для того, чтобы разрушить барьер между научным и религиозным мировоззрением, который был выстроен в период их острой борьбы за доминирование. Свидетельств того, что человек может получать информацию и знания не только с помощью своих пяти органов чувств и рационального мышления, всегда было много. Но победившее в период европейского модерна материалистическое мировоззрение предпочитало отрицать их существование и даже приписывать большинство таких свидетельств изощренным методам заинтересованного обмана. В последние десятилетия накопилась масса свидетельств существования парапсихических явлений, зафиксированных в контролируемых по всем правилам науки экспериментах. Имеются и физические, и биологические теории (пока их, как правило,

нельзя считать общепризнанными), которые показывают, что эти факты вовсе не противоречат теориям, давно признанным. Считать ли все свидетельства о чудесах *непознанным* (пока) или *непознаваемым* (в принципе) — это вопрос веры.

Наиболее важной и труднопреодолимой чертой, отделяющей людей, придерживающихся научного мировоззрения, от людей верующих, является вера в личностного Бога, который создал Вселенную и человека — с ним человек может общаться, он не безразличен к судьбе человека и человечества. Никакого научного доказательства того, что Бога не существует, не может быть в принципе. А.Н. Колмогоров определил отличие информационного сообщения от случайного «шума». Согласно его теории, аппарат с ограниченной распознающей способностью (каковым является человек) в принципе не может отличить сложное сообщение, превосходящее по сложности его распознающую способность, от чисто случайной последовательности сигналов. Возьмем любое животное. Если человек не будет представлять ему некое сообщение на понятном ему языке, оно, наблюдая результаты деятельности человека, не поймет их смысла и не сможет их предвидеть, то есть воспримет их только как случайную последовательность. При этом чем более сложными для человеческого понимания являются последовательности событий, по которым человек хочет распознать цели Бога и методы их достижения, тем больше они должны казаться человеку нагромождением случайностей.

Наука и религия за столетия европейского модерна научились сосуществованию, научились разграничивать сферы своей компетенции. Основной принцип разграничения упрощенно можно сформулировать так. Научные представления о мире хорошо отражают существующий мир и управляющие им законы. Но они не дают ответа на вопросы: Что мне делать? К чему стремиться? Что считать хорошим, а что плохим? При этом совсем немногие чувствуют себя достаточно мудрыми и уверенными в себе, чтобы не желать помощи в решении этих, может быть, самых важных для человека вопросов. На такие вопросы дают ответы религия и идеология.

История — это школа совершенствования человечества, лестница его возвышения

Что такое история человечества? Есть ли это последовательность смешных и трагичных заблуждений, во имя которых проливались реки крови? Или это ступени восхождения человека к высотам, с которых открываются все более широкие горизонты знания и гармонии? Верующий во Всевышнего может представлять историю как школу, в которой Бог воспитывает и обучает человечество. Впервые я услышал об этом от А.Р. Бахтиярова.

Условия жизни человека меняются. Эти изменения происходят как в материальном мире, так и в мире духовно-идеологическом. Меняются институциональные, экономические, политические условия внутри стран и в геополитической и геоэкономической структуре мира. Это мир материальный. Во втором мире — духовно-идеологическом — изменения происходят иногда вслед за изменениями в первом мире. Это соответствует концепции исторического материализма. Но часто исторические перемены начинаются с возникновения новых религиозных учений, пассионарных подъемов, с открытия новых социально-информационных технологий. И эти перемены вызывают гигантские сдвиги в общественном строе, научно-техническом развитии, геополитической структуре мира. Историческая роль самой концепции истмата есть пример, не подтверждающий его основную аксиому о том, что первоначальной движущей силой являются изменения в материальном мире.

Сейчас в геоэкономической и геополитической структуре мира происходят крутые перемены. Раньше подобные перемены происходили гораздо дольше. Их можно обозначить как по-

степенное замещение однополярного мира многополярным.

Как и в сфере развития производственных технологий (по Марксу — сфера производительных сил), в сфере институтов (по Марксу — сфера производственных отношений) и сфере духовно-идеологической (по Марксу — надстройка) имеет место развитие: есть свои периоды эволюционного накопления малых изменений и свои революции.

Истории, развертывающиеся в этих сферах, воздействуют друг на друга. Но неверно говорить о том, что развитие в одной из этих сфер определяет развитие в остальных. В каждой из них можно выделить сменяющиеся периоды. Иногда это похоже на циклы. В разных частях мира (в разных цивилизациях) эти процессы идут по-своему. Можно упомянуть очень интересные работы российского историка Андрея Фурсова относительно взаимодействия производительных сил и производственных отношений, а также работы Л. Бадалян и В. Криворотова [1].

Успехи науки привели человечество на грань духовного кризиса. Они сделали весьма проблематичной веру в Божественное Откровение.

Все сходятся на том, что сейчас момент смены одного цикла, или периода развития, другим (по терминологии синергетиков — точка бифуркации) сразу в нескольких сферах.

Ступени («школьные классы») духовной истории человечества можно кратко охарактеризовать следующим образом.

Древний Египет — это класс, где человечеству продемонстрировали, каких высот мудрости, процветания и устойчивости можно достичь под защитой государства, опирающегося на духовно-интеллектуальную основу.

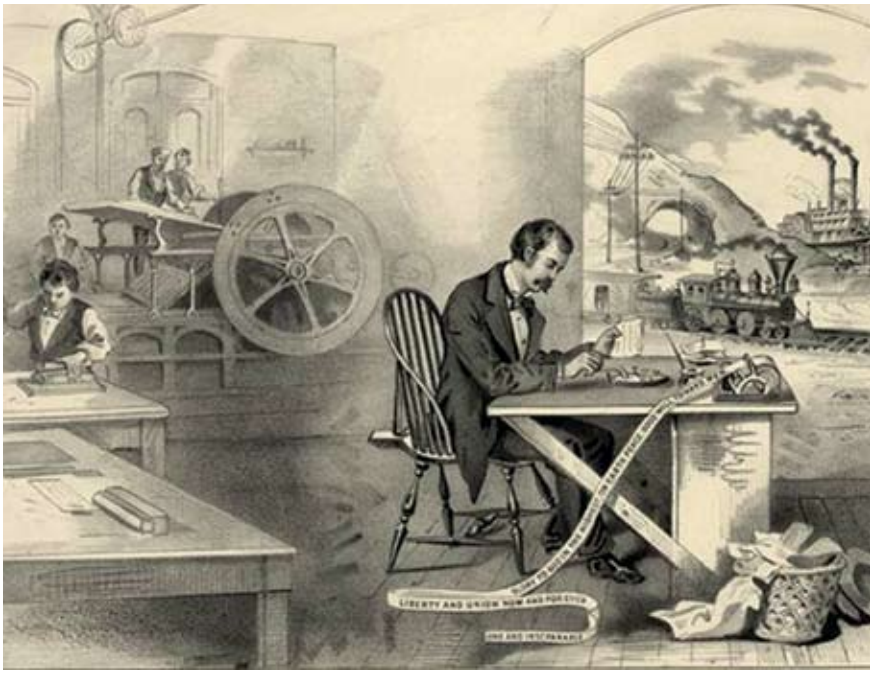
Древняя Эллада продемонстрировала, что от жесткого культа порядка и стабильности, царивших в великих государствах того времени, можно отказаться во имя раскрепощения творчества в искусствах, поэзии, философии и спорте.

Рим показал, что само государство, политика, история могут быть смыслом и главным содержанием бытия.

Восточные цивилизации, например Индия, специализировались в первую очередь на исследовании психических и парапсихических возможностей отдельного человека, разрабатывали технологии перехода в измененные состояния сознания и выхода за границы возможностей, обусловленных его телесной природой.

Христос и христиане произвели революцию в духовном мире. Они показали, что смыслом жизни может быть не богатство, не сила, даже не ум, а любовь и вера, что победы можно достичь, не убивая врага, а принося в жертву себя. Формирование и распространение новой духовности, создание соответствующей ей политической и институциональной системы в Европе заняло весь период Средних веков. Под знаменем Христа и приоритета духовности были достигнуты немалые успехи в развитии европейской цивилизации. Однако слабым местом здесь была недооценка телесной, материальной составляющей природы человека.

В период позднего Средневековья появляется тенденция, которую Ю.М. Осипов удачно назвал *экономической цивилизацией*. Это цивилизация, в которой ценности и смыслы традиционных обществ вытесняются и заменяются мотивациями и ценностями личного материального благосостояния и богатства, принципами и символами рыночного успеха, таки-



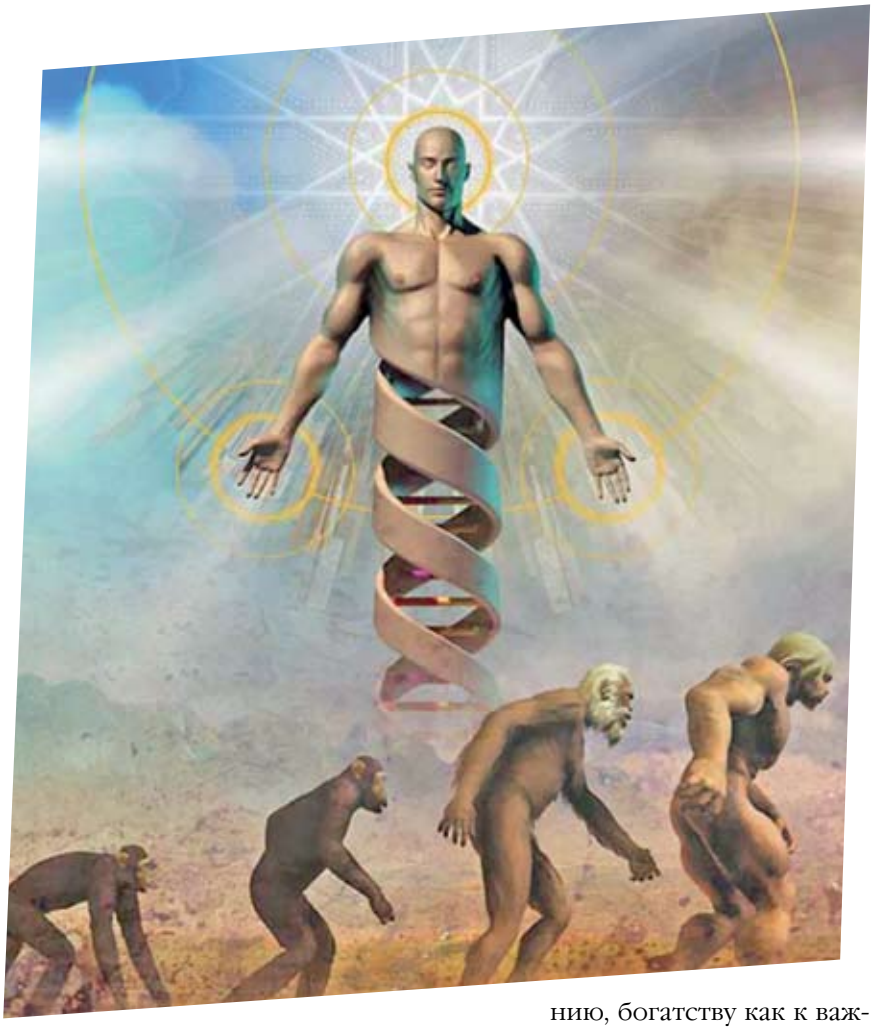
ми как деньги, прибыль, титулы собственности.

Другим направлением исправления средневековой односторонности стал расцвет искусств и культуры, получивший название Ренессанса. Это исключительно актуальный для решения нынешних проблем образец относительно бескровного зарождения и развития новой духовности без разрушения предшествующей, образец конструктивного, органичного объединения господствующей идеологии (церковной) с давно отвергнутой старой парадигмой (античной культурой).

Распространение и утверждение принципов и смыслов экономической цивилизации и научного мировоззрения происходило не так мирно, как смена парадигм в сфере культуры и искусства. Потребовались *Реформация* с религиозными войнами и череда буржуазных революций с войнами гражданскими. Результатом стало безраздельное доминирование целей и стимулов, принципов экономической цивилизации и научно-технического развития.

Успехи науки (в XVII–XVIII столетиях астрономии, физики, химии, в XIX веке биологии, особенно эволюционной теории) привели человечество на грань духовного кризиса. Они сделали весьма проблематичной веру в Божественное Откровение (Священные писания иудеев, христиан, мусульман), которые лежали в фундаменте мировых религий. Оказалось, что человек — вовсе не венец Творения, а «плесень» на планете, которая сама является мельчайшей песчинкой, затерянной в бесконечном пространстве Вселенной. Мир стал быстро секуляризироваться. Во многих развитых странах и в России атеисты составляют большинство.

Великим достижением духовного развития человечества, которое помогло преодолеть этот тяжелый духовный кризис, было формирование учения о неизбежном, пробивающем все преграды историческом прогрессе, вере в то, что человечество (как в определенном смысле и весь живой мир) движется от низшего к высшему, от простого к сложному, к совершенствованию. Большинство верило, что это движение к увеличению в жизни человека добра, красоты, любви и что каждый может в нем участвовать.



Многим из тех, для кого вера является важной психической функцией, средневековую веру в Бога заменила история.

Ступень духовно-идеологического развития человечества, для которой характерно отношение к материальному благосостоянию, богатству как к важнейшей ценности, а также научно-материалистическое мировоззрение в сочетании с культурой и философией, по большой части секулярными, но выросшими из христианской духовности, получила название *европейского модерна*. В эту эпоху имел место колоссальный взлет технологических возможностей и культуры человечества.

По главным движущим силам эту ступень развития можно условно назвать *веком материализма*. На этой ступени (в этом «классе» школы) Бог открыл человечеству его возможности по совершенствованию материальных условий жизни. К сожалению, в силу несовершенства человеческой природы на каждой ступени своего восхождения человек не удерживается в рамках гармоничного су-

ществования и, в конце концов переходя все пределы разумного и нравственного, начинает преследовать одну цель (в данном случае — скорое обогащение), забывая и подавляя остальные нормы и ценности. По русской пословице: заставь дурака богу молиться, он и лоб расшибет.

Основным идеологическим оружием этого материалистического направления стал *либерализм*, разрушающий бастионы старой духовности — государство и церковь. Власть главных организационных институтов, опирающихся на традиционные механизмы ответственности перед народом — носителем старых ценностей, заменялась властью финансово-промышленных компаний и банков, официально свободных от какой-либо социальной ответственности. Крупные государства дробились и ослаблялись с помощью призывов к самоопределению и суверенитету национальных меньшинств (и к борьбе за политические права сексуальных, конфессиональных и любых других меньшинств).

Результатом стал быстро увеличивающийся разрыв между населением развитых стран и связанными с ними элитарными слоями периферийных стран, с одной стороны, и остальной массой человечества (в основном жителями периферийных стран) — с другой. Это разрыв в уровнях богатства, возможностях развития, возможностях участвовать в истории, влиять на судьбы своего народа и других народов. В рамках капиталистической системы, опирающейся на принципы либерализма и конкуренции, имела место беспрецедентная в истории концентрация и монополизация экономической и политической власти и влияния мировой властвующей элиты. Элиты, состоящей из нескольких сотен семейств и нескольких сотен финансово-промышленных компаний. Важнейшим инструментом, обеспечивающим доминирование властвующей элиты и ее влияние на исторические процессы, служит манипулирование общественным сознанием с помощью СМИ и развития политических технологий.

Утверждение принципов экономической цивилизации и научного мировоззрения происходило не так мирно, как смена парадигм в сфере культуры и искусства.

При утверждении новой духовности радикальный отказ от умирающей старой системы, от «ветхого мира» со всеми его накопившимися мерзостями, противопоставление им совсем «новой земли и нового неба» является важным фактором, генерирующим новый подъем. Однако, как правило, новая идея становится долгосрочным двигателем истории, если удается обеспечить ее эффективное сочетание, сплав с идеями и образами прежних духовно-идеологических систем. Смысл попытки человечества (на сегодня скорее не удавшейся) перейти в «класс» *коммунистической (социалистической) идеологии* состоит в противопоставлении разделяющим, даже атомизирующим человечество, ценностям индивидуальной свободы и принципу «священной» частной собственности по существу христианских ценностей духовного единства и солидарности человечества, во имя которых могут быть принесены любые жертвы. В отличие от традиционных монотеистических религий в коммунистической идеологии идея единства человечества сплавлена с идеей развития, бесконечного прогресса и роста материального благосостояния на основе рациональной деятельности, которая лежит в основе духовности модерна.

№ 316.

КАПИТАЛЪ.

КРИТИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

КАРЛА МАРКСА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

КНИГА I. ПРОЦЕСЪ ПРОИЗВОДСТВА КАПИТАЛА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ Н. П. ПОЛЯКОВА.

К сожалению, и коммунисты (социалисты), и христианская церковь оказались не в состоянии признать генетическую, духовную близость и обеспечить организационное единство и взаимодействие.

Когда оглядываешь всю величественную картину духовно-идеологической истории, в памяти возникает песня парки, тянущей и обрывающей нити людских судеб, из второй части «Фауста» Гете:

Смерть и рождение — вечное море,
Взлет и падение в вечном просторе.
Так на станке проходящих веков
Тку я живую одежду богов.

Я привел описание духовной истории не для возбуждения возвышенных чувств, а для обоснования важной интеллектуальной позиции. Согласно этой точке зрения, каждый этап истории, каждая ступень, будь то «темные» Средние века или «духовное паде-

ние» человечества в грех безбожного материализма, были связаны с великим духовным подъемом и расширением кругозора человека и его жизненных возможностей. И в современных духовно-интеллектуальных битвах необходимо помнить не только о потерях и преступлениях наших идейных противников, но и о прежних великих победах и достижениях.

Два направления исторического развития

Главную проблему, порождающую противостояние и конфликты в геоэкономике и геополитике, можно обрисовать следующим образом. Безостановочный экономический рост Китая и Индии, догоняющих Запад, создает условия для экономической и политической активизации и других стран Третьего мира, «включая Россию». Глобализация толкает государства и национальные экономики к укрупнению, укреплению связей и союзов в масштабах регионов и цивилизаций. В то же время неустойчивость, нестабильность, порождаемая как стихийными, так и рукотворными факторами и условиями действующей модели глобализации (ситуация однополярного мира), обусловливает потребность в укреплении суверенитета и защите внутреннего развития. Ценовыми, финансовыми и политическими цунами страны подталкиваются к определенной автаркии.

Идеология глобализации и объединительные усилия западного сообщества направлены на то, чтобы оградить доминирующую группу мировых субъектов и по возможности западные страны от угрозы экономического спада, потери господствующего положения, а возможно, и политического разрушения. Но лишенные объединяющей идеологии страны периферии в полной мере испытывают на себе деструктивное воздействие — финансовая и экономическая открытость делает их беззащитными перед непредсказуемыми колебаниями спроса и мировых цен на товары и финансовые активы, которые определяются изменением геополитических условий и спекулятивных стратегий финансово-политических групп (ФПГ). Эта непредсказуемость лишает страны периферии возможности выстраивать собственную суверенную стратегию развития (в частности, стратегию модернизации экономики, требующую долгосрочного плана поэтапного изменения структуры хозяйства и общества), обрекает на роль сателлитов западного сообщества, вынужденных реагировать на события, происходящие в развитых странах. Как выразился один мексиканский политик, имея в виду США, «очень неудобно спать в одной постели со слоном».

Нынешнюю фазу капитализма можно назвать финансиализмом (по аналогии с феодализмом — капитализмом — империализмом).

Как показывает опыт нескольких последних десятилетий, единственной силой, которая может сделать периферийные страны способными противостоять движению Запада к безраздельному доминированию, является идеократическое (или теократическое) государство, опирающееся на религию или идеологию, соответствующую стремлениям большинства народа (как правило, они коренятся в исторических традициях).

В ходе капиталистического развития идет борьба за верховенство между государством как представителем народа с его традициями, стереотипами поведения, коллективным бессознательным, хранящим архетипы его мифологии, и мировой финансово-политической элитой, официально отвечающей за экономическую, точнее финансовую эффективность, но не несущей ответственности перед народами. В этой борьбе защитники государства и традиций занимают место консерваторов и даже реакционеров. И если сейчас они не займутся решением задачи обновления, то потерпят поражение.

Процессы познания и научно-технического прогресса, включая последний этап — технологической, или технотронной глобализации (ТГ), — это в большой степени объективные процессы. Но современное понятие глобализации включает также институциональ-

ную глобализацию и идеологию глобализации. Развитие идеологических и институциональных систем не жестко связано с ТГ. Эти системы в значительной мере являются предметом исторического выбора. Гипотеза, что однополярный мир со временем превратится в многополярный, вполне правдоподобна. По моему мнению, это наиболее оптимистическая гипотеза (может быть, единственная оптимистическая).

Альтернативой может стать геополитическая и идеологическая система многополярного мира. Каждое из этих двух направлений исторического развития — глобализм и многополярный мир — имеет свою идеологию (или движется к ее созданию), свою духовность (определенную часть и определенное направление общечеловеческой духовности и культуры). Противостояние глобализма и многополярного мира (МПМ) становится сейчас основным противоречием в духовно-идеологической сфере.

Определяющие черты духовности глобализационного направления достаточно однозначно и полно выражены в западной культуре и выявлены в соответствующих культурологических работах. Единую суть и смысл духовности МПМ пока нельзя считать достаточно выявленными и общепризнанными. Более всего на роль такой духовности подходит, как представляется, российская духовность, получившая развитие в русской культуре и русской философии. Эту духовность по ее историческому источнику нередко называют византийской, противопоставляя духовности атлантической. Различие основных «парадигм», или принципов атлантического (западного) и византийского (русского, православного) типов духовности можно описать, следуя прозрениям великих философов-культурологов мира.

Западный тип: безграничное совершенствование мира в соответствии со своими представлениями (при непоколебимой убежденности в том, что мое представление о благе есть благо и для всего человечества), ликвидация на этом пути всех, кто препятствует рациональному устройству мира; выход за все пределы. (В этом смысле установка большевиков на неизбежную мировую революцию есть, конечно, родовой признак их западного происхождения.)

Византийский тип: единство в многообразии, в «цветущей сложности» (выражение Константина Леонтьева); преодоление негативных, чуждых ценностных и культурных установок мыслится прежде всего не как уничтожение негатива, а как углубление взаимопонимания, вбирание в себя и изживание изнутри — как со своей стороны, так и со стороны противостоящей. Основное внимание — на наращивание позитива, взаимного обогащения и доверия. Отсюда и уникальная способность к терпению. Лучше всего эту черту описал Ф. Достоевский в своей знаменитой пушкинской речи как феномен «всечеловечности» русской культуры. Наши исторические навыки и вековые установки могут оказаться наиболее подходящими в условиях формирующегося многополярного мира.

В качестве носителей определенной духовности можно рассматривать либо народы с их культурой или цивилизации, либо отдельные категории людей определенного психического типа.

Экономическая цивилизация, в которой главной ценностью и целью деятельности служит ма-

териальное, экономическое благосостояние, давала приоритет рационально-волевому типу. Однако этот психический тип составляет меньшинство в человечестве. Остальные психические типы (в совокупности их большинство) сопротивляются их вытеснению (с их способностями и ценностями) на вторые роли. Представители институционального направления в экономической науке описывают процесс эволюции социальных, экономических, политических институтов по аналогии с процессом дарвиновской эволюции биологических видов, процессом естественного отбора (в данном случае уместно использовать термин «общественный отбор»). Господство в обществе определенного типа духовности и соответствующего набора институтов обусловливает процесс «общественного отбора», эволюционирование и доминирование того или иного психического типа.

В связи с противостоянием и выбором исторической альтернативы идеологи должны ответить на вопрос, чем плохо и чем хорошо каждое из двух направлений:

- ускоряет ли оно технологический прогресс и рост человеческого потенциала, развитие человека;
- способствует ли художественному, научному, философскому творчеству;
- усиливает или смягчает конфликты, чреватые войнами и растратой сил человечества;
- чревато ли расколом человечества или потерей разнообразия?

Сила и слабость новых идеологий

Сейчас ясно наметилось обострение в идеологическом и институциональном противостоянии описанных двух направлений развития. В России основным полем борьбы стало осмысление истории (прежде всего советского периода и феномена Сталина). Это наиболее ярко выявилось в ходе ежедневной трансляции в течение всей второй половины 2010 г. дискуссионной программы «Суд времени» на 5-м телеканале (ТРК-Петербург) и особенно в стабильно положительной оценке результатов советского периода в зрительском голосовании (несколько тысяч голосующих). В арабских странах обострение довели до горячей войны («убрать Каддафи!»).

Правильно ли говорить, что человечество переживает духовный кризис? И что это такое? Современный период характеризуется идеологическим ослаблением экономической цивилизации и капитализма, деградацией и извращением его принципов и символов. В прошлогоднем докладе я говорил, что не только социализм оказался дискредитированным, когда рухнул СССР. Еще раньше умер дух капитализма, воспетый М. Вебером. Нынешнюю фазу капитализма можно назвать финансиализмом (по аналогии с феодализмом — капитализмом — империализмом). Активность, воля, таланты направлены на создание и применение финансовых инструментов, на борьбу за перераспределение денежных богатств, государственной ренты (rent-seeking).

Духовно-идеологическим фундаментом глобалистского направления остаются ценности и цели, завоеванные европейским модерном. Это познание, развитие технологий, освобождение экономической активности, научного и культурного творчества. Однако в условиях борьбы Запада с другими, поднимающимися, цивилизациями эти ценности и цели в их современной, извращенной модификации стали использоваться как идеологическое оружие для обеспечения господства Запада и, соответственно, для разрушения тех институтов и систем ценностей, которые составляют силу и обеспечивают дееспособность незападных цивилизаций и государств. Это идеология и практика деидеологизации, это постмодерн во всех сферах культуры и философии, это продолжение идеологической войны против религий, расширенной теперь до стремления к разрушению, извращению всякой святости, всякого геройства, всего идеального.

Важным признаком идеологического ослабления полюса глобализма служит почти неприкрытая ставка на силу (экономическую, политическую и военную), имеющая целью обеспечение доминирования в мире за счет поддержания и использования кратного превосходства над странами, не признающими руководящей роли «старшего брата» — США. Отсутствие протестов против такого аморального имперского поведения в самом западном сообществе объясняется в основном признанием ценности экономического прогресса и обеспечения высокого качества жизни как главной цели. Однако и у союзников нередко возникают опасения в связи с тем, что страшно жить «на ладони у великана», трудно предвидеть, какие мысли появятся у него в голове завтра.

Альтернатива «глобализм или многополярный мир» сейчас предстает вовсе не в виде «демократия или хаос, отсутствие порядка, постоянные межрегиональные конфликты, установление местных диктатур». Эту альтернативу более адекватно следует описать как «мировая империя, в качестве основной ценности рассматривающая обеспечение (в основном силовыми методами) определенного экономического и технологического состояния для своих подданных versus несколько цивилизационных полюсов, опирающихся на традиционные (неизбежно обновляемые) системы надличностных смыслов и ценностей».

Раздробленность современных идеологических установок, неспособность выдвинуть сплачивающие, объединяющие общество надличностные идеалы, — это и есть духовный кризис, идеологический вакуум. Этой болезнью сейчас поражен весь мир, а наиболее тяжело — Россия.

Духовный кризис, идеологический вакуум... Этой болезнью сейчас поражен весь мир, а наиболее тяжело — Россия.

Параллельно с формированием идеологии, объединяющей мировую элиту на основе идей технологической и информационной глобализации, в рамках этой идеологии совершенствуется культура либерального фундаментализма, которая в виде «идеологии деидеологизации» и культурного постмодерна становится оружием, *разделяющим*, дробящим противостоящие ей духовные и идеологические учения. Фактически, как это ни парадоксально, современная идеология глобализация оказывается *разделяющей идеологией.* Одним из видов этого оружия является стимулирование и поддержка национального и регионального сепаратизма внутри тех государств, которые отказываются признавать диктат западного Центра. Самой впечатляющей победой этого оружия стал развал СССР в 1991 г.

Наиболее активная поддержка сепаратистам сейчас оказывается на «Красном континенте» — Латинской Америке, в тех государствах, президенты которых заявляют о своей социалистической ориентации. Это Боливия (Эво Моралес), Эквадор (Рафаэль Корреа), Венесуэла (Уго Чавес). В 2006 г. была создана даже специальная постоянно действующая организация — Международная конференция за свободу и региональную автономию (Confilar). Лидер этой организации Альберто Мансуэти пишет: «Наша борьба носит идеологический характер. Мы противники социализма и выступаем за либеральный капитализм... Экономически и финансово успешные регионы являются донорами бесперспективных провинций и городов, государство их грабит». Теоретики этого проекта маскируют требования радикального сепаратизма лозунгами «цивилизованной автономии» [2]. В связи с нынешней гражданской войной в Ливии вполне вероятно, что страна распадется и восточный регион с центром в Бенгази отпадет от государства «исламского социализма» Каддафи.

Альтернативная идеология многополярного мира, вынужден-

ная стоять на позициях консерватизма и защищать традиционные формы духовности, может быть названа *идеологией объединяющей.*

Одностороннее развитие чревато серьезными угрозами. Об этом свидетельствует нарастание разрыва между «продвинутым» меньшинством (мировая элита) и все более отстающим большинством, в котором мировая элита все меньше нуждается. Быстрое развитие новых технологий позволяет «продвинутому» меньшинству минимизировать количество трудовых ресурсов. Возникает опасность распада человечества на две резко отличающиеся друг от друга части, плохо понимающие друг друга: быстро развивающееся наднациональное элитарное сообщество и безнадежно отстающие, не способные объединиться деградирующие «племена», по численности составляющие большую часть человеческого рода. Ситуация похожа на описанную в одной из первых антиутопий 1930-х годов — романе Олдоса Хаксли «Прекрасный новый мир». Но было бы легкомысленно отнести ее только к области фантастики — она нуждается в постоянном внимании и серьезном анализе.

Другая опасность, выявившаяся в основном за последние несколько десятилетий, — дефицит жизненных смыслов у тех, кто не может или не хочет подчинить свою жизнь целям и ценностям технологического и экономического развития. Большей части населения планеты (в первую очередь это слои, не участвующие непосредственно в инновационном развитии) жизненные смыслы всегда задавались религией, а в эпоху экспансии атеизма — основанными на ней национальной гуманитарной культурой и искусством.

М. Делягин считает, что привлекательность научно-технологического творчества так велика, что в будущем эта деятельность вполне может восполнить нехватку смыслов большинству населения. Но это положение представляется сомнительным.

Современная идеология глобализации оказывается разделяющей идеологией.

Дефицит смыслов (особенно в условиях обеспеченности большинства человечества ресурсами для простого выживания), несомненно, связан со снижением уровня нравственности, алкоголизмом и наркоманией (не только в России, но и во всем мире). Нынешний явный упадок искусства и художественной литературы (в том числе спроса на высокие образцы) служит, видимо, симптомом дефицита жизненных смыслов и ослабления идеалов технологического прогресса.

Можно ли предположить, что это свидетельствует о приближении конца «эпохи материализма»?

Более надежным признаком «поворота идеологической оси» надо признать неспособность рынка решить многие проблемы «экономики и общества знаний» и защиты от нестабильности финансовой стихии без усиления государства. Это привело за последние 50 лет к чрезвычайно высокому росту доли государственных расходов в ВВП: в странах ОЭСР она выросла с 27% в 1960 г. до 46,3% в 1990 г. и продолжает увеличиваться, несмотря на то, что доля расходов на вооружение расти перестала.

Главное препятствие на пути к МПМ — «утечка мозгов» из периферийных стран в развитые. Этот процесс обусловливает феномен «народы без элит». Переток элит и всей политической, экономической и культурной активности от периферии в центр сам по себе является процессом естественным, в определенном смысле это закон природы. Однако в условиях, когда центр все больше отчуждается от периферии и воспринимается как субъект, враждебный тем или иным национальным или цивилизационным обществам, привлекательность центра для периферийных элит определяется только его экономическим превосходством и сравнительной политической и военной силой. В современных усло-

виях отрыв Запада и уверенность в его способности решить любые проблемы неуклонно снижаются. В этих условиях важнейшей проблемой становится возрождение духовно-идеологических традиций поднимающихся региональных центров, которые могут быть противопоставлены «материальной» и «технологической» привлекательности Запада.

Для усиления государства в периферийных странах в условиях «утечки мозгов» необходимо возрождение и оживление национальных традиций и идеальных смыслов, альтернативных целям экономико-технологической конкуренции. Можно ожидать, что эта потребность будет способствовать консолидации таких цивилизаций, как исламская и индийская, а также решению ими задачи повышения их конкурентоспособности.

Исправление имен

Мудрый Конфуций началом оздоровления считал *исправление имен*. Для него существовала, естественно, единственная истина, которая была заключена в традиции. Надо было только очистить истину от позднейших искажений, восстановить ее изначальный смысл. Теперь мы знаем, что в разных цивилизациях, в разных национальных культурах традиции могут существенно различаться. Задача состоит в том, чтобы бережно выявить эти различия и найти пути к их согласованию и взаимному обогащению. В число значимых для мира традиций теперь необходимо включить и либеральные традиции западного модерна, и социалистические традиции (здесь и марксистское направление в теории, и практика социал-демократов у власти в европейских государствах, и успехи социалистического развития в СССР).

Святость и героизм. Религиозная традиция безоговорочно включает в себя существование и необходимость признания святости, без чего человек не может состояться в своем подлинном образе. Понятие святости, как и понятие духовности, не может относиться только к религиозной, конфессиональной сфере. История знает великие подъемы духа на чисто секулярной основе. Понятие святости подразумевает не только святых людей. Это любые символы, художественные образы, а также образ жизни, образ мыслей и т.д. Ипостасями святости являются героизм и мученичество (по сути, пассивный модус героизма). Святой может быть любовь к Родине, своей нации. Сакральную роль для многих играло государство и монарх как его олицетворение. Признание святости или, наоборот, стремление исключить, уничтожить этот элемент социальных отношений, деление людей по этому признаку имеет место в настоящее время в борьбе между идеологиями многополярного мира и глобализма и становится все более актуальным.

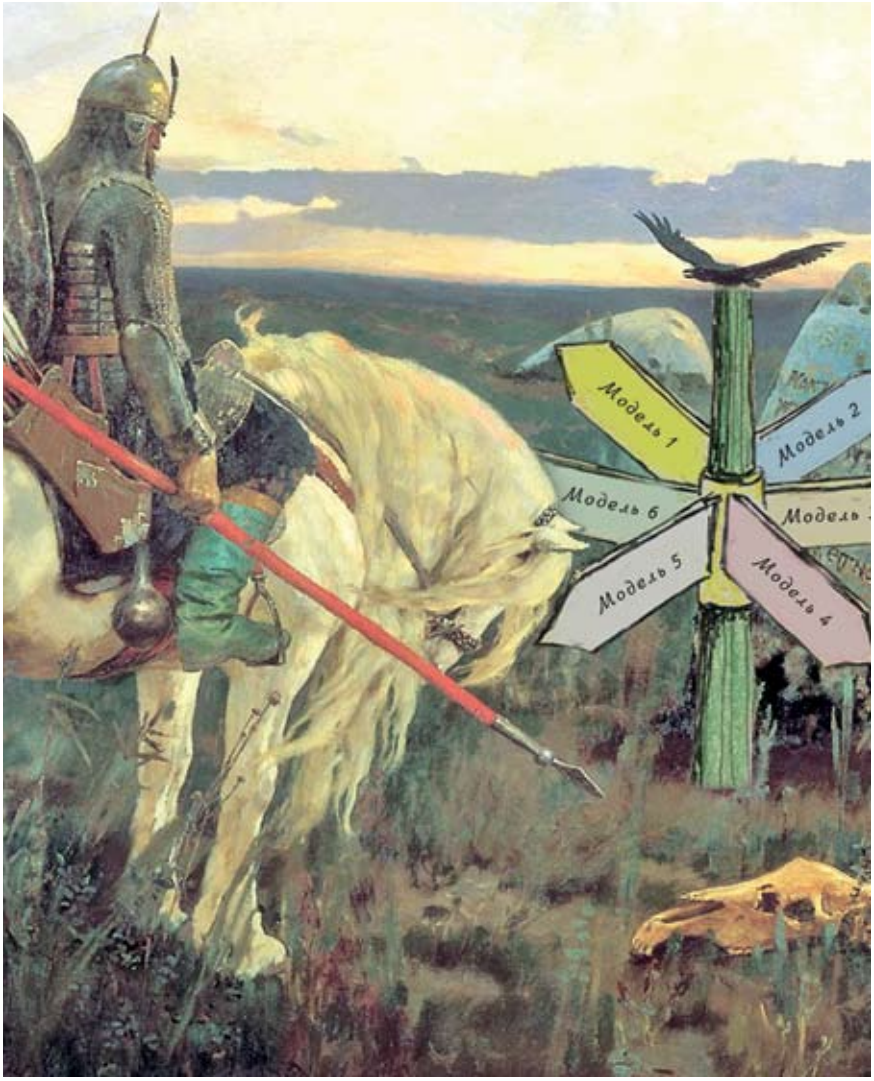
Стремление либеральных фундаменталистов расширить право на свободу самовыражения, плюрализм, толерантность до права на извращение, издевательство, глумление над тем, что свято для значительной части народа, провоцирует провокаторов. Вспомним карикатуры на пророка Мухаммеда, глумление над христианскими святынями (типа выставки «Осторожно, религия»). В этот же ряд следует поставить попытки представить трудовые и воинские подвиги наших отцов и матерей только как привычку рабов к повиновению. Такое «искусство» или такие идеологические провокации нередко вызывают у зрителей и слушателей настоящую ненависть к авторам (да и к их интеллектуальным защитникам). Самым логичным ответом на такие провокации было бы принятие закона о запрете разжигания межконфессиональной розни и издевательства над народными святынями (по примеру закона о разжигании межнациональной розни).

Важнейшей характеристикой духовного кризиса служит отсутствие личностных смыслов, объединяющих общество, раздробленность духовно-идеологического пространства. Отрицание всего идеального во имя циничного прагматизма (характерная черта

постмодерна) — эта психологическая или мировоззренческая установка в настоящее время сохраняет и углубляет духовный вакуум. Для тех, кто хочет ускорить выход из духовно-идеологического кризиса, важнейшей задачей, по моему мнению, является сближение мировоззрения атеистов (ощущающих и признающих определенные идеи и символы как святые) и верующих, исповедующих традиционные религии. В России это в первую очередь касается христиан и тех, кто верит в социалистические (коммунистические) идеалы.

В настоящее время в гносеологическом отношении полностью созрели условия для разрушения барьера между научно-материалистическим и религиозным представлениями о мире и человеке. Накоплено немало фактов, требующих отказа от догматики жесткого материализма. Имеются и физические, и биологические теории, допускающие такой отказ. Что касается Церкви, то она давно научилась принимать серьезные научные теории, не опасаясь, что они могут разрушить основы веры. Я уверен, что усилия в этом направлении интеллектуальных и духовных авторитетов — по-настоящему умных людей, стоящих по разные стороны этого барьера, — позволят максимально сократить путь к преодолению духовного кризиса.

В начале XX в. российская социал-демократия создала теорию богоискательства, согласно которой русский народ, находящийся в плену «религиозных предрассудков», лучше воспримет идеи марксизма, если они будут представлены в виде религиозного (точнее, псевдорелигиозного) учения. Сейчас, наверное, надо было бы сформулировать обратную задачу: представить христианские идеи в виде серьезной научной теории, приемлемой для восприятия современного научного работника — атеиста по невежеству.



Сегодня нужно богоискательство наоборот.

Свобода. Западная идеология монополизировала это понятие и использует его в геополитической борьбе. Оно превратилось в оружие западных стран против сильных государств в странах Азии и других странах периферии, которые становятся их противниками. Свобода трактуется только как гражданская свобода, причем свобода для индивида. Но слово *свобода* на протяжении истории использовалось в первую очередь для обозначения освобождения народа от чужеземного господства, то есть как лозунг национально-освободительной войны. Когда коммунисты и социалисты говорят о свободе пролетариата, о свободе труда от эксплуатации со стороны капитала — это вовсе не свобода либералов. В последние десятилетия символ свободы стал важным фактором того духовно-идеологического кризиса в культуре и идеологии, который связан с постмодерном и деидеологизацией.

Альтернативное понимание свободы означает возможность для того или иного народа, того или иного слоя общества участвовать в истории, воздействовать на ее ход, осмысленно выбирать свое место в ней. А для этого нужна не разделяющая идеология индивидуалистической свободы, деидеологизации и постмодерна, а объ-

единяющая идеология святости, чести и героизма, укорененная в традиции.

Демократия (в буквальном переводе — власть народа) в системе западной пропаганды представляет собой набор законодательных принципов и административных процедур, обеспечивающих выявление (в первую очередь через свободный доступ к СМИ) и реализацию выбора большинства населения (прежде всего избирательных процедур при формировании органов власти). История показывает: чтобы система демократических процедур выполняла свое предназначение, необходимо достаточное духовно-идеологическое единство общества, причем сама демократия (как воля большинства) должна рассматриваться как важная ценность всем обществом.

Поскольку эти условия нередко не выполняются даже в странах с давними демократическими традициями (например, в США), система демократических процедур вырождается в инструмент манипулирования со стороны определенных групп в исполнительной власти и в конкуренцию денежных мешков. Народовластие остается важной характеристикой государства. Но обеспечение этого принципа не сводится к набору стандартных процедур. Нередко та или иная форма диктатуры или монархии лучше выражает волю народа, чем подобный набор процедур.

Идеология. В западной пропаганде это антинаучная система представлений, используемая тоталитарными режимами для укрепления своей власти (теория деидеологизации).

Необходимо использовать более адекватное (более «научное») понимание категории идеологии как любой, разделяемой народом, партией или властью, системы представлений о существующем устройстве общества, о ценностях, смыслах и целях развития. Идеология может базироваться на научных теориях (как основа реалистичной и успешной политики). Но она не может ограничиваться только данными науки, поскольку наука не дает ответа на вопросы: зачем? что есть добро и что есть зло? И так далее.

Справедливость обычно лежит в основе любой идеологии. Следует учитывать, что в разных цивилизациях, разных исторических традициях и в разные исторические периоды представления о справедливости сильно различаются. Чтобы идеология была воспринята народом, речь должна идти не об общечеловеческой категории справедливости, а о ее корнях в национальной традиции, в цивилизационных архетипах. Западная традиция считает нормальным существование гигантских частных состояний, если только их хозяева не признаны нарушителями закона. Моральная оценка путей достижения богатства не имеет значения — считается неприличным задавать вопросы о происхождении богатства; бедность рассматривается не как беда, а как вина бедняка: он лентяй, или пьяница, или нечестен, не заслужил доверия. Согласно русской традиции, большие богатства должны быть оправданы заслугами перед обществом. Без известных народу заслуг частная собственность, в сотни раз превышающая средний уровень, будет считаться несправедливой. Поражать богатством и великолепием, во много раз превосходящим средний уровень, может только собственность государства или церкви.

Государство. В западном представлении (по крайней мере отраженном в господствующей либеральной идеологии) относится к сфере услуг. Чиновники, даже высшие, суть нанятые народом работники, получающие за свой труд заработную плату.

В российской традиции государство — это инстанция высшего сакрального порядка. Бессилие, коррумпированность государства рассматриваются как тяжелая болезнь всей страны, всего народа, и это не служит основанием для вывода о «минимизации» государства. Работа в целях защиты или укрепления государства рассматривается как служение, выполнение высокого долга. Конечно, сегодня, в условиях духовного и нравственного упадка, представления о государстве меняются. В частности, в западных странах они оказываются в большей степени идеальными и наполненными сакральным смыслом, чем сейчас в России. ЭС

ПЭС 11047/20.04.2011

Идеология многополярного мира, вынужденная стоять на позициях консерватизма и защищать традиционные формы духовности, может быть названа идеологией объединяющей.

Литература

1. Бадалян Л.Г., Криворотов В.Ф. Эволюционная история: освоение последовательности геоклиматических зон. Прогнозы на будущее // Экономические стратегии. 2007. № 1; Бадалян Л.Г., Криворотов В.Ф. Технологический перелом начала века и интересы России // Экономические стратегии. 2008. № 3, 4.

2. Никандров Н. Сепаратизм для «Красного континента» // Экономическая и философская газета. 2011. № 8.